

Александрова О.Н.

УДК 821.14-31:343 «19»

ВЛИЯНИЕ ПИКАРЕСКНОГО РОМАНА НА РОМАН НИКОСА КАЗАНДЗАКИСА О ГРЕКЕ АЛЕКСИСЕ ЗОРБА

Аннотация. В статье Александровой О.Н. «Влияние пикарескного романа на роман Никоса Казандзакиса о греке Алексисе Зорба» роман известного греческого писателя XX века Никоса Казандзакиса рассматривается в контексте развития европейской и греческой литературы Нового времени, в частности, обнаруживаются параллели с романами Д. Дефо, Дж. Свифта и М. Сервантеса. Также затрагивается проблема связи и преемственности образов плутов греческой литературы Нового времени с Древнегреческой литературой. В круг рассматриваемых проблем входят вопросы возникновения плутовского романа, связь его с античной романистикой и влияния разных его аспектов на технику создания текста романа Никоса Казандзакиса «Грек Зорба»: проблема перевода названия романа на русский язык, характеристики персонажей и особенности образа пикаро, своеобразие образа Алексиса Зорба и т.п.

Ключевые слова. греческая литература XX века, пикарескный роман, Никос Казандзакис, грек Зорба.

Анотація. У статті Александрової О.М. «Вплив пикареського роману на роман Нікоса Казандзакіса про грека Алексіса Зорба» роман відомого грецького письменника XX століття Нікоса Казандзакіса розглядається в контексті розвитку європейської і грецької літератури Нового часу, зокрема, виявляються паралелі з романами Д. Дефо, Дж. Свіфта і М. Сервантеса. Також вирішується проблема зв'язку і наступності образів шахраїв грецької літератури Нового часу з Давньогрецької літературою. У коло розглянутих проблем входять питання виникнення шахрайського роману, зв'язок його з античною романистикою та вплив різних аспектів на техніку створення тексту роману Нікоса Казандзакіса «Грек Зорба»: проблема перекладу назви роману на російську мову, характеристики персонажів і особливості способу пикаро, своєрідність образу Алексіса Зорба і т.п.

Ключові слова. грецька література XX століття, пикареський роман, Нікос Казандзакіс, грек Зорба.

Summary. The Article by Alexandrova O.N. under the title "The Influence of a picaresque novel on Nikos Kazantzakis's novel about Greek Alexis Zorba" examines the main characteristics and traditions of picaresque novel and their manifestation in the work of the famous Greek writer of the twentieth century: the traditional title of the novel, the social role of Picaro, the originality of the image of Alexis Zorba, connection of the picaresque novels with the ancient Greek literature as well as English, German and Spanish literature of XVII-XVIII centuries, and the reflection of these phenomena in Kazantzakis's novel.

We failed to find out specific criticism by both domestic and foreign researches dedicated to the study of the traditions the of European picaresque novel in the works of Nikos Kazantzakis which highlights the novelty and relevance of the research.

In the circle of the problems under consideration are the issues of picaresque novel, its connection with the ancient Romance studies and the influence of different aspects on the technique of creating the text of Nikos Kazantzakis novel "Zorba, the Greek": the problem of translation the novel's title into the Russian language, the characteristics of the characters and the peculiar features of the image of Picaro, etc.

As a result of the analysis of Kazantzakis's novel it could be concluded that in contrast to the classical Picaro Zorba is more endowed with positive traits than negative. Thus, at the end of the novel there is no moral correction of the hero typical of the picaresque novels, although there is some remorse about the crimes and errors, and the name of Alexis Zorba has become a telling name in Greece and worldwide. It means vitality, wisdom and boundless energy.

Keywords. Greek literature of the twentieth century, picaresque novel, Nikos Kazantzakis, Zorba, the Greek.

Основной монографией в которой рассматривается обычно творчество Никоса Казандзакиса (Νίκος Καζαντζάκης, 1883-1957) обычно является работа Яниса Мочоса «Очерки о новогреческой литературе». Также, достаточно широко известны электронные материалы Международной научной конференции, посвященной творчеству Н. Казандзакиса (которая проводилась на острове Крит 8 июля - 29 августа 2004 г. в г.Ираклион, Республика Греция).

Творчеством выдающегося греческого писателя занимались преимущественно греческие и зарубежные литературные критики, представители различных философских направлений: Anapliotes J., Bien P., Friar K., Lea J., Levitt M., Owe A., McDonough B.T., Prevelakis P., Wessman R., Aldridge P., Andriopoulos D., Beaton R., Anton J., Antonakes M., Banks A., Beukas A., Campbell M., Anghelaki-Rook K., Bessa M. [1]

Как зарубежные, так и отечественные критики уделяют больше внимания преимущественно евангелическим романам Казандзакиса, таким как «Христа распинают вновь» («Ο Χριστός ξανασταυρώνεται», 1948, швед. изд. 1950, греч. изд. – 1954) и «Последнее искушение Христа» («Ο τελευταίος πειρασμός», 1954). Творчество известного греческого писателя Никоса Казандзакиса в восприятии читателей во всем мире обычно связывается с самобытной трактовкой образа Иисуса Христа в его романах

Гораздо меньше известен его роман «Грек Зорба» («Βίος και πολιτεία του Αλέξη Ζορμπά», 1946).

Целью данного исследования является изучение традиций плутовского романа в творчестве Никоса Казандзакиса (на примере романа «Грек Зорба»).

Обнаружить литературоведческие работы как отечественных, так и зарубежных ученых, посвященные исследованию традиций европейского плутовского романа в творчестве Никоса Казандзакиса не удалось, что и обусловило **новизну и актуальность данного исследования**. Хотя, в отдельных отзывах на творчество Казандзакиса можно встретить сравнение Зорбы с классическими плутовскими героями: «В своей бесстыдной любви к инстинктивной жизни Зорба – это греческий Панург, Фальстафф, Санчо Панса.

Однако он наделен потрясающим чувством собственного достоинства, без тени буффонады и комического малодушия, что отличает его от них. Читатель смеется с ним, а не над ним. А, может быть, он больше похож на Одиссея или Синдбада Морехода...» (пер. мой – О.А.)¹, - так оценил это явление в греческой литературе американский литературовед Леман [1].

Возникновение плутовского романа связано прежде всего с образом пикаро, возникшего в Испании в эпоху Возрождения. Плутовской, или пикарескный роман (*novela picaresca*) чрезвычайно быстро распространился по всей Европе и к XVII веку стал наиболее распространенным жанром в литературах всех европейских стран. Мы можем встретить элементы пикарески в образах персонажей Даниэля Дефо и Джонатана Свифта в Англии, в романах о Симплиции Гриммельсгаузена в Германии, в фигуре дон Кихота Сервантеса.

Приключения литературных героев, прообразы которых можно было встретить на дорогах всех европейских стран, давали широкий простор для авторской фантазии и возможность для выявления и обсуждения социальных проблем всего общества.

«В ранней ренессансной литературе изображение городского дна занимает значительное место. Происхождение слова до сих пор остается спорным. Его выводят из названия Пикардия (историческая французская провинция с главным городом Амьеном; оттуда приходили в Испанию бродяги наниматься на случайные работы) – наиболее вероятная гипотеза; либо от испанского *bigardo* – бездельник, негодяй; либо от испанского *picar* – клеветать, щипать, отведать и др. (отсюда пикаро: «тот, кто питается отбросами») – малоубедительное предположение, и т.д. Каждое объяснение, впрочем, опирается на черты, свойственные этому характерному явлению испанского общества XVI-XVII вв.» [2, с. 131].

В названиях авторов плутовских романов выносили, как правило, имя главного героя, а также в качестве индикатора наличия пикарескной традиции присутствовало какое-либо из следующих слов: «жизнеописание», «история жизни», «приключения» или «злключения» и т.д. Средствами греческого языка наиболее точно и комплексно эту идею выражает словосочетание «βίος καὶ πολυτεία» (труд Плутарха «Βίοι Παράλληλοι» на русский язык переводится как «Параллельные жизнеописания»).

Поэтому не сложилось единой традиции в переводе названия романа о греке Алексисе Зорба Никоса Казандзакиса практически ни в одной литературе мира. Например, в русских переводах существует разногласие мнений, преимущественно в литературных статьях: «Житие Зорбаса», «Алексис Зорба», «Жизнь и приключения Алексиса Зорбы». Эти варианты перевода истинно отображают плутовскую традицию повлиявшую на роман. Однако издательства упорно издают этот роман на русском языке под названием «Грек Зорба», вероятно из-за того, что наши переводчики переводят роман на русский с английского. Английские же переводчики перевели название романа на английский язык как «Zorba the Greek».

Наиболее логичным является перевод названия «Жизнь и мнения грека Зорбы» (по аналогии с другими романами XVII-XVIII в.в., например, «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Лоренса Стерна). Но в русском литературоведении все же чаще всего встречается упрощенное название «Грек Зорба», которое не передает философских аллюзий, задуманных автором, но является наиболее употребительным. Поэтому в нашей работе мы остановимся именно на этом варианте названия.

В греческой литературе традиция плутовской литературы имеет долгую историю и связана с персонажами древней аттической комедии V в. до н.э. Ловкие, пронырливые рабы встречаются уже в комедиях Аристофана, например, во «Всадниках», где агон двух рабов – колбасника и кожевника во многом предваряет проделки героев пикарески. Не менее вороватыми и продувными бестиями оказываются и другие аристофановские персонажи – раб Кариона в комедии «Богатство» и раб Ксанфий в «Лягушках».

По большому счету эти герои были представителями городского дна. А это – обязательный признак героя пикарескного романа. Так и герой Казандзакиса не имеет родного дома, постоянной работы, он одинок и неприкаян. Социальная роль, которую «играет» герой Казандзакиса, по большому счету, не сильно отличается от фигуры античного раба. Это – человек из низов, перекати-поле, которого носит по всему миру в поисках лучшей доли.

В отличие от Дефо, Гриммельсгаузена и Сервантеса, Казандзакис изображает путешествия Писателя и Зорбы не в далекие страны, он ведет их по Греции. Но этот мир не менее огромен и разнообразен. Зорба может это подтвердить, т.к. его жизненные путешествия были весьма разнообразны: в свое время он побывал в России, Сербии, Германии, Болгарии, но в текст романа эти путешествия не входят.

С одной стороны, отсутствие описания этих путешествий сужает пикарескную тему «больших дорог», с другой, их упоминание позволяет автору расширить социальный фон романа: во всем этом мире маленький человек страдает и веселится, живет одинаково бедно, что и делает маленький мир Греции для наших героев универсальным, применимым к любой точке земного шара.

В древней аттической комедии подобные персонажи еще не выходят на первый план, только в новой аттической комедии (например, в комедиях Менандра) рабы начинают выдвигаться на главные роли. Именно они ведут главную интригу, помогают достаточно инфантильному хозяину добиться любимой девушки.

Нечто похожее происходит и в романе Казандзакиса, когда Зорба фактически помогает развитию взаимоотношений между Писателем и вдовой Марией, во многом провоцируя их сближение, что чрезвычайно напоминает поведение античного комедийного раба, всячески обманывая сводника в руках

¹ In his shameless love of instinctual life, Zorba is a Greek Panurge, Falstaff, Sancho Panza; yet he possesses a magnificent human dignity that has nothing of the buffoonery and comic cowardice of these, and one laughs, like the author, with, not at him; perhaps he is more like Odysseus or Sinbad the Sailor.

которого находится девушка или скупого отца, не дающего денег на выкуп красавицы из рук торговца «живым товаром».

Подругами пикаро нередко оказывались стареющие проститутки (например, побродяжка Кураж в романе Гриммельсгаузена или Молли Флендерс в романе у Дефо). Так и в романе Казандзакиса подругой Зорба оказывается хозяйка дома Гортензия, стареющая дама полусвета, к которой Алексис относится с большой теплотой и сочувствием.

Казандзакис использует еще одну черту пикарескного персонажа – его ум, помогающий выйти победителем из любой ситуации. Именно Алексис Зорба вынужден проявлять чудеса изобретательности и хитрости, чтобы выжить в этом жестоком мире. Он, как греческий Фигаро, может заниматься любым делом, любой профессией, он может стать своим в любом обществе. Плуты в пикарескных романах умом и хитростью превосходят своих хозяев. Так и Писатель, несмотря на образование и интеллигентность, значительно уступает Алексису Зорба в обаянии, уме, знании мира и приспособленности к жизни.

На вопрос: «Что ты умеешь делать?», – герой Казандзакиса отвечает: «Все. Работаю ногами, руками и головой- всем вместе. Выбрать одно дело – значит – ограничить себя», «Полезу в любую дыру. Ничего не боюсь» [3, с. 19]. Такой ответ подтверждает большой жизненный опыт персонажа, его умение приспособливаться к любой ситуации.

Зорба просто предлагает свои услуги, нисколько не сомневаясь, что его возьмут. «Отправляешься в путешествие?.. Возьмешь меня с собой?» Свою необходимость Зорба объясняет своими кулинарными способностями, что роднит его с кухонным пикаро (так называемый *picaro de cocina*). «Зачем! Зачем! Неужели человек не может сделать хоть что-нибудь без «зачем»? Просто так, потому что ему так хочется, Ладно, допустим, ты возьмешь меня в качестве повара. Я умею готовить изумительный суп, ты в жизни не пробовал ничего подобного...» [3, с. 18].

Писатель не против такого партнерства. Ему и самому не льстит мысль об одиноком существовании на новом месте. «Подумалось, что было бы не плохо взять с собой на далекий одинокий берег этого парня-рубаху. Суп и истории... Видно было, что его немало поносило по миру. Этаким Синдбад- Мореход...» [3, с. 18]

В испанском плутовском романе пикаро, являясь эволюцией образа раба – тоже является слугой, но не по профессии, а в силу необходимости; частая смена хозяев позволяет ему познакомиться с различными социальными типами. Поэтому картина жизни в пикарескном романе чрезвычайно многообразна и правдива. Причем дана не парадная ее сторона, а изнанка, задворки.

В «классическом» плутовском романе повествование чаще всего строится как устный рассказ героя о своей жизни или как его записки, воспоминания, написанные по прошествии значительного времени. Эту мемуарную форму сохраняют и греческий писатель, но при этом он не сохраняет традицию повествования от лица пикаро: здесь речь идет от лица Писателя, анонимного автора. В сохранение традиции пикарескного повествования – рассказ ведется от лица Писателя со слов Зорбы, рассказавшего ему о своей жизни.

Тем не менее, Писатель тоже несет в себе черты пикаро. Они проявляются в его несколько нарочитой обособленности от всех остальных героев романа, в его чужеродности окружающему миру. Он – тоже путешественник, тоже человек, не имеющий связи с каким-то конкретным местом. Поэтому повествование от его лица не кажется нам чем-то недопустимым.

Но в романе нет полного, связного рассказа о жизни, похождениях и злоключениях Зорбы. Он появляется в начале романа уже пожилым, много повидавшим человеком. «У двери, расплющив нос о стекло, стоял незнакомец лет шестидесяти, высокий, худощавый» [3, с. 17]. В этом проявляется еще одно отступление от традиции плутовского романа, требующего сохранения всей истории жизни героя – от рождения до зрелых лет.

Описание внешности почти не встречается в романе. Фактически, Казандзакис сознательно подчеркивает обыденность и внешнюю непримечательность своего героя, что является дополнительным доказательством его типичности. Но Зорба многолик. Эта многоликость проявляется, прежде всего, в разнообразии восприятия этого персонажа другими людьми, каждый видит в нем только одну доминирующую черту, которая проявляется в кличке: «Иногда меня кличут Пекарским совком – из-за того, что я долговязый, и голова у меня сплюснутая, словно пирог, какие пекут на сковородке. А еще зовут *Passatempo*², потому что я торговал жареными тыквенными семечками. Кроме того, меня величают Плесенью, ибо говорят, что, куда бы я ни угодил, везде выкидываю свои нелепые шутки. И все идет к чертам. Есть и другие прозвища...» [3, с. 19].

В романе Казандзакиса нет сложной системы образов как в классических плутовских романах, которые строились по принципу чередования глав, каждая из которых могла бы быть самостоятельной новеллой, воспроизводящей то или иное приключение героя или его встречу с определенным лицом, эпизодически появляющимся в на страницах романа. Это были романы событийные, романы ситуаций.

Роман Казандзакиса в отличие от них, не утрачивая динамичности действия, подчеркивая драматический характер его развития, является уже в значительной степени романом характеров. В романе «Грек Зорба» самым ярким проявлением его мастерства создания характера является образ Зорбы. Богатые невежды могут смеяться над бедностью Зорба, но ни один из них не обладает и тысячной долей богатства его души. В основе изображения Зорба драматический принцип: характер раскрывается не в описаниях, а в поступках и речи.

² *Passatempo* – (с ит.) жаренные тыквенные семечки

Так и герою Казандзакиса свойственен яркий юмор, который отличается народной, почти площадной грубостью. «Ты ведь знаешь сказку о жене мельника? И не рассчитываешь научиться грамоте у ее задницы? Так вот, человеческий разум – это зад жены мельника» [3, с. 19]. Эту традицию можно проследить, начиная с романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» с его подчеркнутой, балаганной физиологией, точным описанием всех проявлений человеческого организма.

С другой стороны, подобное сквернословие – оборотная сторона народного жизнелюбия, во всей мере свойственного Алексису Зорба. Образ Зорба становится в романе воплощением тех качеств и свойств, которых не хватает Писателю. Зорба ясно смотрит на жизнь. У него ясный ум человека из народа: он находчив, ловок, деловит, изворотлив. «О чем задумался? Или ты, как все люди, вечно таскаешь с собой весы? Ты должен взвесить все до последнего грамма? Давай, дружище, решайся, сделай шаг!» [3, с. 18]. Можно сравнить Зорба и Писателя с другой классической парой в мировой литературе – странствующим рыцарем Дон Кихотом и его слугой Санчо Пансой. Только вместо Дон Кихота у нас начинающий писатель, находящийся в творческом поиске. Зорба вносит в роман яркую струю искрящегося веселья, его остроумие неиссякаемо, находчивость в любых жизненных ситуациях вызывает восхищение, а его оптимизм, связанный с присущим ему здравым смыслом, действует покоряющее.

Подобный народный юмор во многом свойственен творчеству Казандзакиса. Он редко шаржирует и даже при обрисовке отрицательных персонажей сознательно стремится избежать гротеска.

На первый взгляд, описание войны в романе «Грек Зорба» тяготеет к традиции литературы натурализма и реалистических повествований о войне, подобных «Огню» Анри Барбюса и «На западном фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка. С другой стороны, подобное отношение к войне встречается уже на страницах немецкого плутовского романа XVII в. Гриммельсгаузена «Симплиций Симплициссимус».

Но Казандзакис не ограничивается изображением уродливого на войне, а представляет в своем произведении обычную жизнь в греческой деревне во всей ее противоречивости.

Изображение теневых сторон жизни придает комизму плутовского романа грубый, «физиологический» характер. Для героя плутовского романа типично ироническое отношение к окружающим, постоянное разоблачение их пороков, что оправдывает его собственную аморальность.

Повседневная жизнь жителей патриархальной деревни, в которой оказываются герои романа «Грек Зорба», убога и скучна. Поэтому селян больше интересует чужая личная жизнь, нежели собственная. Провинциальность подобного существования выливается в ханжеское осуждение поведения молодой вдовы Марии, осмелившейся полюбить Писателя и преступить законы сельской, деревенской морали ради одной ночи любви, что роднит ее со многими героинями немецкого новеллиста Стефана Цвейга.

Лицемерие толпы проявляется в том, что эта смерть молодой женщины оказывается личной мстостью отца отвергнутого поклонника Павлоса, а средневековость казни (восточный вариант казни за измену женщины – забрасывание камнями и отрезание головы) подчеркивает отсталость бытия людей в греческой провинции. При этом Казандзакис подчеркивает личные мотивы поступков этих людей: женщины завидуют красоте Марии, мужчины не могут ей простить того, что ее выбор был сделан не в их пользу.

Этому патриархальному укладу жизни не может противостоять ни один из персонажей романа. Писатель, фактически, самоустраивается, предпочитая наблюдать за происходящим со стороны и не решаясь вмешаться и помочь своей возлюбленной.

Алексис Зорба все-таки пытается помочь двум женщинам-изгоям этого маленького мира, но терпит неудачу в обоих случаях. Его попытка защитить Марию, вступив в драку с палачом и отняв у него нож – орудие казни, беспомощна хотя бы потому, что казнь все-таки осуществляется руками деревенского старосты Маврандониса.

Также неудачей заканчивается его попытка защиты стареющей хозяйки гостиницы Гортензии. Только его присутствие удерживает шайку мародеров – жителей деревни, ожидающих ее смерти, от грабежа.

В этом проявляются еще одна черта пикаро – полное принятие установившегося порядка вещей, нежелание его ломать, беспомощность перед лицом судьбы, изменчивой, жесткой и алогичной. Здесь проявляется двойственность нашего героя, свойственная еще литературе барокко. С одной стороны, Зорба сочувствует Гортензии, с другой, – его комментарии ее образа жизни, сделанные Писателю, позволяют допустить, что во многом он разделяет патриархальные взгляды на роль женщины: «Прекрасная нимфа волн, мы потерпели крушение, и море выбросило нас к вашему берегу. Окажите нам милость, о моя сирена, разделите с нами трапезу! Самое лучшее жаркое получается из старой птицы. Ну все, у нее в трусах уже жарко!» [3, с. 59].

Для ряда плутовских романов характерен также мотив воспитания героя, но чаще всего это воспитание жизнестойкости и аморальности.

Как уже указывалось выше, героем пикареского романа, как правило, является ловкий пройдоха, мошенник, авантюрист, большей частью выходец из низов общества или представитель обнищавшего, деклассированного дворянства. Социальная принадлежность строго обусловлена. Но Алексиса Зорбу можно назвать ловким пройдохой, но только в самом лучшем смысле этого слова. Он обладает жизненной мудростью, тонким юмором, а также огромной любовью к окружающим.

В отличие от классического пикаро, Зорба больше наделен положительными чертами, нежели отрицательными. Поэтому в конце романа Казандзакиса отсутствует обязательное для героя плутовского романа моральное исправление, хотя определенное раскаяние в заблуждениях и преступлениях, свойственное герою плутовских произведений – присутствует: «Много несправедливых и злых дел я совершил во имя родины, – говорит Зорба. – Я резал людей, грабил, поджигал деревни, бесчестил женщин и опустошал дома. Тьфу, пропади ты пропадом, – я так часто проклиная себя. Зато теперь я набрался ума-

разума. Теперь я смотрю на людей и говорю: вот этот человек хороший, а этот человек плохой. А болгарин он ил грек - это мне безразлично» [3, с. 245].

Имя Зорба стало нарицательным в Греции и во всем мире. Оно означает жизнерадостность, мудрость, а также неумную энергию.

Источники и литература:

1. The Nikos Kazantzakis Files [Электронный ресурс] / Cultural Olympiad / Society of Cretan Historical Studies CD-ROM Windows 98/2000/NT/XP.
2. Пинский Л. Е. Испанский плутовской роман и барокко / Пинский // Вопросы литературы. – 1962. – № 7. – С. 130–153.
3. Казандзакис Н. Грек Зорба / Никос Казандзакис. [пер. Е. Мирошниченко] – М. : София ; Гелеос, 2003. – 464 с. (Серия «Игра в бисер»).

Баранская Е.М.

УДК 82.09.161.1/161.2

«Я ТОЧНО ЛИЧНОСТЬ БЕЗ ЛИЦА»: К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО

Аннотация. В статье представлены историко-литературные и психологические мотивировки житнетворческих установок Я.П. Полонского как в творчестве, так и в «литературной» биографии. Основопологающим является вопрос о роли событийно-биографического фактора в художественном творчестве, в частности, взаимозависимости характера лирического героя и литературной личности автора, и шире – ретроспективного конструирования историко-литературного образа. Внимание сконцентрировано на зрелом периоде творчества Я.П. Полонского (1870 – 1890-е годы).

Ключевые слова. биография, житнетворчество, литературная личность, литературно-исторический образ, ретроспектива.

Анотація. В статті наведені історико-літературні та психологічні мотивування життєтворчих настанов Я.П. Полонського як у творчості, так і в «літературній» біографії. Головним є питання про роль дієво-біографічного чинника в художній творчості, зокрема, взаємозалежності характеру ліричного героя та літературної особистості автора, і більш широко – ретроспективного конструювання історико-літературного образу. Увага сконцентрована на зрілому періоді творчості Я.П. Полонського (1870 – 1890-і роки).

Ключові слова. біографія, життєтворчість, літературна особистість, літературно-історичний образ, ретроспектива.

Summary. The article deals with the historical-literary and psychological motivations of Y.P. Polonsky's life-creation attitudes in his works as well as in his «literary» biography. The fundamental issue is the role of event and biographical factor in artistic creation, in particular, the nature of the interdependence of the lyrical and literary personality of the author, and in the broader meaning – a retrospective construction of historical and literary image.

The attention is focused on the mature period of Y.P. Polonsky's creativity (1870 – 1890s), when the artistic image of the poet is recognizable, has well-established features, and his literary reputation is undeniable. However, the peculiarity of the creative method of Y.P. Polonsky's mature period is «experiencing the past». The reflective nature of his work is obvious («To I.S. Turgenev», 1879 (under the title «Old message»); «At the door», 1888). Hence the frequency of the motives of previous years in Y.P. Polonsky's lyrics, united by the themes of love, dreams, sleep and night, enjoying the natural world. Substantial transformation is associated with the evolution of the lyrical hero, who is the same age as the poet.

Another process is also emphasized «the struggle of poetry and prose» (Y.I. Eichenwald) in Y.P. Polonsky's mature years.

Stylistic and ideological transformation of Y.P. Polonsky's mature lyrics is due to psychological and characterological traits of his personality – personal kind-heartedness, resulting in Polonsky's creative response to the socio-historical events («About him», 1871 (subsequently entitled «About N.A. Nekrasov»); «In memory of S.Y. Nadson», 1887, «In memory of V.M. Garshin», 1888).

Keywords. biography, life creation, literary personality, literary-historical image, retrospective.

Постановка проблемы. Жизнь, личность, творческое наследие поэта XIX века Я.П. Полонского изучены недостаточно, что, при несомненной уникальности писательской личности и судьбы поэта – истолкователя «поэтических моментов жизни человеческой», отзывчивого на текущие процессы истории, – представляет научную перспективу.

Вопрос о роли событийно-биографического фактора в художественном творчестве, в частности, взаимозависимости характера лирического героя и литературной личности автора, и шире – ретроспективного конструирования литературно-исторического образа¹ составляет одну из центральных

¹ Литературно-исторический образ писателя – это целостный комплекс научных (читательских) представлений об оригинальности его творчества и месте в развитии национальной и мировой литературы, о личном значении в исторической и общественной жизни государства, о его судьбе и индивидуально-психологических особенностях. Формирующийся при жизни художника литературно-исторический образ существенно дополняется последующим научным анализом его художественного наследия, мемуарными свидетельствами современников, обогащается фактами из опубликованных посмертно автобиографических документов.